

Люцзин так и не решился спросить Цзюцина: раз уж все они стали призраками, у которых при жизни наверняка были плотские тела, как они умудряются пожирать чужую плоть? Тот принёс из лавки «Истинный аромат труп» две ладони и пару детских ступней. Люцзин невольно подумал, что тот, должно быть, собственноручно расчленил покойника.

Для Цзюцина варка трупов давно стала привычным делом, но у Люцзина от одной мысли об этом всё переворачивалось внутри. Он согласился помочь лишь разжечь огонь, а после сразу сбежал в свою комнату. И хотя дверь была плотно прикрыта, из кухни всё равно доносился глухой, ритмичный стук тесака. Стоило ему затихнуть, как тут же раздалось громкое шипение масла на сковороде — то затихающее, то нарастающее с новой силой.

Люцзин сидел на постели, порываясь накрыться одеялом с головой. Но вовремя одёрнул себя: теперь он — судья, и в будущем ему наверняка придётся сталкиваться с вещами куда более жуткими. Если он и дальше будет воротить нос, Яньгу просто-напросто выставит его вон. Люцзину оставалось лишь зажмуриться и притвориться глухим.

Внезапно резкий грохот заглушил шкворчание еды на кухне. Люцзин поспешно распахнул дверь и, как и ожидал, увидел на пороге Хухэ.

Хухэ стоял, высоко собрав длинные волосы; изысканное шёлковое одеяние с вышитыми лисами мягко облегало его стройную, высокую фигуру. В его холодном взгляде сквозило врождённое лукавое очарование — уловимое без лишних слов, пленительное и естественное. Однако, несмотря на столь чарующую внешность, юноша никогда не улыбался, отчего казался неприступным и бесконечно далёким.

Каждый день в один и тот же час Хухэ приносил трёхъярусный расписной короб. Изысканный узор шкатулки настолько гармонировал с её владельцем, что трудно было сказать, вещь ли красила юношу или его собственное изящество озаряло её.

Заметив Люцзина, Хухэ молча протянул ему коробку. Люцзин, как всегда робея, принял подношение.

— Благодарю вас, молодой господин, — послушно вымолвил он. Каждое их свидание начиналось именно с этих слов.

Обычно Хухэ уходил не прощаясь и не кивая. Но сегодня он вдруг помедлил. Сделав пару шагов, юноша обернулся; оттуда отлично просматривалась жаровня.

— Цзюцин готовит? — спросил он.

Люцзин впервые услышал его голос — такой же холодный и отчуждённый, как и он сам. Но

вместо того чтобы смутиться, Люцзин обрадовался этой мимолётной беседе, усмотрев в ней добрый знак.

— Да, — оживлённо отозвался он. — К нам сегодня заглянут оба господина Непостоянства, вот Цзюцин и решил приготовить угощение.

Радость оказалась преждевременной. Доброжелательностью Хухэ никогда не отличался.

— Раз уж у вас тут так весело, мне стоит передать господину, чтобы больше не присылал тебе еду, — ледяным тоном обронил он. Яньгу тоже не отличался многословием, но в его лаконичности никогда не было подобной жестокости.

Улыбка мгновенно сползла с лица Люцзина.

— Молодой господин...

Хухэ лишь смерил его равнодушным взглядом и зашагал прочь, растворяясь в серой дымке. С каждым шагом его силуэт бледнел, пока окончательно не растаял в тумане.

Из кухни, уловив голоса, выглянул Цзюцин с лопаткой в руке. Но он опоздал — на улице уже никого не было.

— Молодой господин Хухэ приходил? — спросил он, прекрасно зная о ежедневных визитах гостя.

Люцзин уныло приподнял коробку:

— Вышел бы на пару вдохов раньше, застал бы его.

Цзюцин лишь пожал плечами и вернулся к своим котлам.

Призрачные посыльные тоже имеют право на отдых. И пускай души в Подземное царство чаще всего забирают Черное и Белое Непостоянство, на время их передышки дежурство всегда принимают Бычья голова и Лошадиная морда.

Во внутреннем дворике Цзюцин соорудил простой навес и повесил два бумажных фонаря, свет которых немного разогнал вечный туман. Как только он расставил дымящиеся блюда на столе, из мглы бесшумно соткались две высокие фигуры.

Просторный двор, зажатый между глухими стенами, дышал мрачной поэзией: клубящаяся серость вокруг и алое пятно света в самом центре.

Быть призраком весьма удобно: ноги никогда не устают, ведь при желании можно просто плыть по воздуху. Когда Се Биань и Фань Уцзю опустились у деревянного стола, Люцзин как раз вынес из комнаты свой заветный короб — раз уж договорились посидеть вместе, отделяться от компании не следовало.

Белое Непостоянство, Се Биань, устроился на скамье без лишних церемоний. Черное Непостоянство, Фань Уцзю, склонился над тарелками и с наслаждением втянул носом воздух.

— Румяные ладони в соевом соусе, тушёные голени... — расплылся он в улыбке. — Сяо Цзюцин, твоё мастерство растёт день ото дня. Выглядит просто потрясающе!

Если бы гости дали себе труд приглядеться к Люцзину, то непременно заметили бы, что его и без того мертвенно-бледное лицо побелело ещё сильнее. Ему безумно хотелось испортить им аппетит вежливым напоминанием о том, из чего всё это приготовлено, но он вовремя прикусил язык.

Цзюцин вынес из дома кувшин вина, купленный днём на Призрачном рынке. Услышав похвалу, он скромно улыбнулся:

— Господин Фань, вам лишь бы подразнить меня.

Фань Уцзю вскинул голову и с весёлой непосредственностью, никак не вязавшейся с его грозным видом, рассмеялся:

— Надо же, раскусил! А я-то думал, ты примешь всё за чистую монету.

Се Биань покосился на напарника и вздохнул:

— Веди себя приличнее.

Люцзину почудилось, будто в воздухе, помимо запаха еды, витает какое-то странное напряжение. Он недоумённо перевёл взгляд с одного на другого, но так ничего и не понял.

— Уважаемые господа, прошу к столу, — мягко прервал их Цзюцин. Он уселся рядом с Люцзином. По левую руку от них расположился Се Биань, а прямо напротив — Фань Уцзю.

Золотистая корочка на поданных яствах пробудила бы зверский аппетит у любого мертвеца, но Люцзин даже смотреть в ту сторону не мог. Он торопливо выставил перед собой принесённую пищу живых, стараясь не коситься на блюдо с запечённой ладонью, которая лежала пальцами вверх, увенчанная веточкой ароматной зелени в самом центре.

Се Биань внимательно наблюдал за его приготовлениями. Заметив изысканные земные яства,

он едва заметно прищурился.

— Судья, эту пищу вам прислал господин Яньгу?

Люцзин не сразу сообразил, что обращаются именно к нему. Он увлечённо закрывал коробку, пропустив вопрос мимо ушей. Цзюцин, заметив эту неловкость, незаметно пихнул друга под стол.

Люцзин вскинулся:

— Ох! Прошу прощения, господин Се. Я просто ещё не привык к новому званию.

Белое Непостоянство мягко улыбнулся. Несмотря на жуткий мертвенно-белый грим и длинный свисающий язык, улыбка его казалась вполне радушной:

— Пустяки. Это я проявил излишнее любопытство.

— Ну что вы, я ведь ещё даже не приступил к службе, — поспешил успокоить его Люцзин. — Да и потом не стоит церемониться, зовите меня просто по имени. А еду действительно прислал господин Яньгу. Я ведь здесь недавно, толком ни к чему не приспособился, вот он и проявляет заботу.

Взгляд Се Бианя остался бесстрастным, однако он улыбнулся чуть шире.

«Не будь ты особенным, стал бы владыка так усердно о тебе печься?»

— Ладно тебе, старина Седьмой, делай как просят, — подал голос Фань Уцзю. — Нам ведь ещё работать вместе бок о бок.

Люцзин мысленно отметил, что нрав Черного Непостоянства и впрямь на редкость дружелюбен вопреки его пугающему облику.

Цзюцин поспешил разрядить обстановку. Подняв кувшин, он плеснул вина в чарку Се Бианя:

— Вот именно, Седьмой господин! Люцзин только обживаете у нас. Хотя ему и улыбнулась удача занять это место, без вашей помощи и подсказок на первых порах не обойтись.

Се Биань промолчал, лишь осушил чашу до дна.

«Разве ему нужна наша забота? Стоит верховному владыке шепнуть слово, и никто в Подземном царстве не посмеет и пальцем его тронуть».

Лишь много позже Люцзин понял, насколько проницательным и дальновидным был Се Биань с самой первой их встречи.

Разговор незаметно вильнул в сторону, и беседа потекла свободнее. Черное и Белое Непостоянство с аппетитом уплеталистряпню Цзюцина, быстро опустошая тарелки. Люцзин неторопливо смаковал своё земное угощение, запивая его хмельным напитком. Так, за шутками и расспросами, они засиделись до глубокой ночи, пока наконец не догорели свечи в бумажных фонарях.

В первый день службы Люцзин облачился в бирюзовое длинное одеяние, которое со всей тщательностью подготовил для него Цзюцин. Высоко собранные волосы венчала изящная нефритовая заколка, а талию стягивал широкий пояс в тон наряду. Как выразился сам Цзюцин: стоило немного постараться, и перед ними предстал благородный, утончённый юноша.

Цзюцин проводил его до самых ворот Палаты Яньло и лишь после этого отправился к себе в лавку. Служба судьи не подчинялась строгому распорядку: порой приходилось безвылазно сидеть над свитками сутками напролёт, а порой можно было неделями бить баклуши. Но в свой первый день Люцзин панически боялся опоздать. Он поднял друга ни свет ни заря, долго наряжался, и когда наконец предстал перед величественным дворцом, его крышу всё ещё окутывали предрассветные клубы сизого тумана.

Накануне ему было не до осмотра достопримечательностей, зато сейчас представилась отличная возможность всё изучить.

Впервые Палату Яньло он заметил ещё у Реки Забвения — за мгновение до переправы из тумана проступили её изогнутые карнизы.

Огромный дворец из тёмного камня уходил шпилями в самое небо. Мрачные, приземистые очертания здания внушали благоговейный трепет, а резные навесы крыш, тонущие в белёсой дымке, дышали могильным холодом.

В этой обители вечного мрака и холода даже гладкие ступени парадной лестницы, казалось, отливали тусклым ледяным блеском.

— Пришёл уже?

За спиной Люцзина раздался чистый, звучный голос — одновременно знакомый и чужой. Вздвигнув, юноша обернулся. Из тумана неторопливой походкой выходил сам Яньгу.

Люцзин поспешно склонился в глубоком поклоне.

— Приветствую вас, владыка.

В воздухе разлился едва уловимый изысканный аромат, и перед опущенным взглядом Люцзина колыхнулся подол ярко-алого одеяния. Яньгу остановился в шаге от него.

— Оставь церемонии.

Люцзин медленно выпрямился и тут же невольно отшатнулся: за спиной владыки высился Хухэ — прекрасный, словно небожитель, и холодный, как вековой ледник.

Поймав его равнодушный взгляд, Люцзин неловко улыбнулся:

— Молодой господин Хухэ, и вы здесь.

Тот лишь демонстративно отвернулся, сделав вид, будто перед ним пустое место.

Яньгу мягко повернулся к своему спутнику. Длинные пряди шёлковых волос скользнули по его плечу — это простое движение было исполнено такого изящества, словно на воду упал лепесток цветка.

— Да, я велел ему прийти, чтобы ввести тебя в курс дела, — ответил за него Яньгу.

Затем он оценивающе и бесцеремонно осмотрел Люцзина с ног до головы.

Под этим пристальным взглядом Люцзин невольно съёжился от смущения и неловкости.

— Со мной что-то не так, владыка? — робко поинтересовался он.

Яньгу мягко улыбнулся, и в его сияющих глазах заиграли тёплые искорки. Лик его был настолько прекрасен, что от этой мимолётной улыбки померкли бы самые изысканные земные цветы. Любой призрак отдал бы душу за один лишь этот взгляд.

— Напротив. Сегодня ты выглядишь совсем иначе. Новое одеяние, нефритовый венец... Настоящий благородный муж.

Люцзин не знал, способны ли мертвецы краснеть, но щёки его обожгло жаром, а несуществующее сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди.

— Э-это... Это одеяние приготовил Цзюцин, — заикаясь, пробормотал он. — Побоялся, что я явлюсь в непотребном виде.

Так оно и было на самом деле. Цзюцин заявил, что щеголять в старом тряпье несолидно для чиновника, и достал из сундука свой лучший наряд, дабы Люцзин не ударил в грязь лицом перед начальством. Тот лишь вздохнул про себя: неужели у всех призраков друзья такие же невыносимые остряки, которых хочется одновременно и придушить, и крепко обнять?

«Не знай я, кто такой этот Цзюцин на самом деле, непременно бы надоумил его, как получше проучить этого недотёпу», — мысленно хмыкнул Хухэ.

Яньгу негромко рассмеялся, и этот смех прозвучал чисто и звонко, словно жемчужины посыпались на нефритовое блюдо:

— Твой друг весьма заботлив.

Люцзин лишь молча кивнул. Именно поэтому он и не смог отвергнуть заботу Цзюцина.

— Владыка, нам пора идти. Бычья голова и Лошадиная морда вот-вот приведут грешников, — негромко прервал их Хухэ.

Люцзин сразу уловил разницу: в голосе юноши, когда тот обращался к Яньгу, помимо неизменного почтения, сквозила искренняя нежность — полная противоположность той ледяной стене, которой он отгораживался от остальных.

— Пойдём, — кивнул Яньгу. — Хухэ как раз успеет передать тебе дела до начала суда.

С этими словами он направился к дверям дворца.

Люцзин поспешил следом, гадая, какие именно обязанности ему предстоит перенять у этого надменного красавца.

<http://bllate.org/book/18339/1771596>